

И я стою на дороге, и вижу призрак,
и меня мучит вопрос,
которого мне вовек не решить...

Джеймс Олдридж.

Последний взгляд

ГУЛЛИВЕР-1944

Ситуацию, в которой наша дивизия оказалась, нет нужды прилежно описывать своими словами. До меня, к писательству никакого отношения не имеющего, чуть ли не сорок лет назад прекрасно описал Эммануил Казакевич в повести «Звезда». Причем, что очень важно, тут в основе — сугубо личные впечатления. Казакевич служил в разведке как раз нашей армии и описывал то, чему сам был свидетелем. Не скажу, что он описал именно нашу дивизию, были некоторые отличия, но все равно, мы оказались в чертовски схожем положении. Примерно так все и обстояло...

(Примечание автора. Хотя некоторые меня порой поругивают за обширные отступления, не удержусь и на сей раз. В конце концов, «каждый пишет, как он слышит». Одним словом, Казакевича я давно читаю и люблю, так что моему собеседнику незачем было доставать книгу с полки — у меня в библиотеке они все наличествуют. К сожалению, выросли поколения, для которых Отечественная — нечто из древней истории, а писателя Казакевича, увы, стали подзабывать, что не есть здорово...)

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

Итак, Эммануил Казакевич, начальные абзацы повести «Звезда».

«Дивизия, наступая, углубилась в бескрайние леса, и они поглотили ее.

То, что не удалось ни немецким танкам, ни немецкой авиации, ни свирепствующим здесь бандитским шайкам, сумели сделать эти обширные лесные пространства с дорогами, разбитыми войной и размытыми весенней распутицей. На дальних лесных опушках застряли грузовики с боеприпасами и продовольствием. В затерянных среди лесов хуторах завязли санитарные автобусы. На берегах безымянных рек, оставшись без горючего, разбросал свои пушки артиллерийский полк. Все это с каждым часом катастрофически отдалялось от пехоты. А пехота, одна-одинешенька, все-таки продолжала двигаться вперед, урезав рацион и дрожа над каждым патроном. Потом и она начала сдавать. Напор ее становился все слабее, все неувереннее, и, воспользовавшись этим, немцы вышли из-под удара и поспешно убрались на запад.

Противник исчез».

Вот примерно так с нашей дивизией и обстояло. Противник улетучился в совершенную неизвестность, и что там, впереди, кто там впереди — никто представления не имел. Авиаразведка, как порой случалось, ничем помочь не смогла. Ни у кого из командования, понятно, не было ни малейшей растерянности: а для чего на свете мы, бравая разведка? Да для этого самого...

В глубокий поиск вышли впятером — лейтенант и мы четверо. Все воевали не первый год, в разведку попали не вчера, так что были, скромненько скажу, матерые и битые. Не первый раз этак вот хаживали и дело знали четко.

Вышли за несколько часов до темноты. Двигались сторожко, привычным походным порядком: двое бок о бок впереди в качестве боевого охранения, а метрах в двадцати остальные, волчьей цепочкой. Шли исключительно лесом, подальше от проселочных дорог — для пушей надежности. Не впервые оказывались в чащобе, так что нисколько в ней не терялись. Компасы, разумеется, имелись, целых два — и довоенные карты. К великому сожалению, расположение противника на ней, понятно, не отмечено, откуда бы таким данным взяться? Но ориентироваться на местности могли, и то хлеб...

Разбросанные там и сям в глухомани хутора тоже были на карте не отмечены. На один такой мы примерно через часок и вышли. Небольшой был хуторок, вряд ли особо зажиточный. Издали было ясно, что там жили: дым из трубы шел, собака побрехивала (нас она, конечно, не учуяла, не те мы были ребята, умели грамотно и скрытно к жилью подобраться). Ну что? Понаблюдали мы за хуторком из-за деревьев и пошли себе дальше, а что еще оставалось делать? Немцев там явно не было, а про то, где они имеют честь располагаться, хуторяне наверняка знали не больше нас, так что не было смысла светиться и расспрашивать.

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

Пошли себе дальше, тем же порядком, разве что время от времени меняли боевое охранение — ментально, кто кого сменяет, лейтенант заранее проработал.

До темноты мы успели отмахать приличный кусок дороги, совершенно безлюдной чащобы, не встретив ни единой живой души, даже леших (которые нам и так в жизни не попадались). Ну а потом устроились на ночлег в подходящем месте, поужинали сухпайком и подремали при выставленном часовом. Огня, разумеется, не зажигали — только распоследний лопух в таких обстоятельствах разжег бы костер, который ночью за версту видно.

Едва рассвело, тронулись в путь. По весеннему времени было, конечно, зябковато, но не так уж и сыро — хотя вокруг та самая весенняя распутица, в лесу всегда гораздо суше, чем на открытых пространствах, вода уходит в толстый ковер слежавшихся прошлогодних листьев, в мох.

Прошли еще немного, все так же в безопасной тишине, а потом авангард наш слаженно остановился как вкопанный. Мы насторожились, автоматы перехватили поудобнее, но они остались на месте, не сделали ни малейшей попытки укрыться за деревьями, а там от сердца окончательно отлегло: Костыль (это не прозвище, вот такая была у него фамилия, над которой давно шутить перестали) поднял руку и поводил ладонью вправо-влево, причем не разжимая пальцев, держа их сжатыми (и большой к ладони прижат).

Всевозможные условные жесты давно были у нас проработаны. Этот означал: впереди что-то есть. Именно «что-то», не «кто-то», причем вроде бы не представляющее прямой опасности — на войне частенько приходится употреблять «вроде бы», черт его маму знает, чем оно окажется при ближайшем рассмотрении...

Мы к ним живенько подтянулись, встали бок о бок. Костыль доложил кратенько, но исчерпывающе — он это хорошо умел, как все мы. Получалось следующее. Впереди метрах в пятидесяти располагалась поросшая кустарником обширная прогалина (мы ее и сами уже видели). И только что на ней имело место любопытное явление. Там на глазах Костыля и Шемахтина вдруг зажглось не зажглось, появилось не проявилось... Одним словом, объявилось, так оно будет вернее. Объявилось непонятное, тускло-лимонного цвета и словно бы с вкраплениями алых точек тускловатое как бы сияние, невысокое, ростом человеку, пожалуй, по пояс, очень правильной формы, напоминавшей словно бы линзу. (Костыль до войны работал на оптико-механическом заводе, всевозможных линз насмотрелся, вот ему в первую голову и пришло именно такое сравнение.) Шириной метров десять, окутало конкретные кусты (вон тот, и тот, и еще тот). Несколько секунд так постояло, а потом исчезло с глаз, будто свечу задули...

Мы все смотрели туда — но там ровным счетом ничего не происходило, поляна как поляна, кусты

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

как кусты. Переглянулись. Кто пожал плечами, кто нет (я пожал). Вслух не было не произнесено ни словечка, но и нужды в том не было: все пятеро, люди повоевавшие, наверняка пришли к выводу — это не взрыв. Взрыв, как бы это сказать, всегда распространяется из одной точки. И бесшумным никогда не бывает. Полыхни там что-то пиротехническое, зажигательное или осветительное, всё, сказал Костыль сразу, выглядело совершенно бы иначе. А это тусклое сияние больше всего походило на свет огромной лампы, которую включили на несколько секунд и быстренько выключили. Не взрыв, не осветительная ракета, не луч прожектора — откуда тут взяться лампе, да и луч прожектора выглядит совершенно иначе. Насквозь непонятное что-то.

Особенно не раздумывая, лейтенант распорядился:

— Вперед, осторожненько...

И был глубоко прав: что-что, а непонятное никак не годится оставлять в тылу, не рассмотрев как следует... Мы двинулись к тому месту, чуток пригибаясь, на всякий случай изготовив автоматы. Только ничегошеньки непонятного там не было: поляна и кусты, и никакого сияния, ни яркого, ни тускловатого.

А потом мы увидели такое, что дыхание в зобу спирало и челюсть отвисала...

Сначала я расскажу, как оно все выглядело, а потом добавлю кое-какие подробности — так оно выйдет гораздо эффектнее...

На относительно небольшом пространстве, окруженном кустами, лежало дюжины три мертвечов и четыре убитых лошади. Трупы в самых разнообразных положениях, чаще всего выглядевших как-то нелепо — как оно обычно и бывает, мы с таким зрелищем давно свыклись. Судя по тому, что кровь еще не везде высохла, на поляне совсем недавно состоялась ожесточенная драка. Никто не шевелился, раненых не было — вполне возможно, победители своих унесли, а вражеских, очень может быть, добились. Такое на любой войне не в редкость.

Мне не понадобилось и минуты, чтобы в деталях все рассмотреть. Я как-никак был опытным разведчиком, в разведке нечего делать людям ненаблюдательным, тем, кто не умеет одним махом охватить всю картинку и с ходу обдумать свои соображения по поводу увиденного.

Нешуточная странность была такая. Все они были обмундированы и вооружены совершенно несовременным образом. В длинных кольчугах и тускло поблескивающих, явно металлических шлемах двух видов. У одних круглые, у других остроконечные, с высоким шпильком, на котором присобачен узкий синий вымпел, а впереди приделаны целиком закрывающие лицо забрала с прорезями для глаз и ноздрей. Ничего похожего на огнестрельное оружие я не увидел — только копья, мечи и широкие топоры на длинных прямых топорщах.

С ходу можно было примерно сообразить, что здесь совсем недавно произошло: «круглые» еха-

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

ли верхом, а «забрала» из засады обстреляли их из луков, а потом сошлись врукопашную с уцелевшими. Мертвых «забрал» было раза в три меньше. Многие из «круглых» были прямо-таки утыканы стрелами, и в коней попало в каждого по несколько. Самих луков нигде не видно, но колчаны со стрелами висят на поясах только у «забрал». Точно, устроили засаду, угостили стрелами и людей, и коней (вообще лошадь слаба на рану, достаточно одной-единственной пули, пусть даже не в жизненно важные органы, чтобы она завалилась).

Такое оружие и такие доспехи вышли из употребления сотни лет назад — самое настоящее Средневековье. Вот только ни таких шлемов, ни такого фасона кольчуг я раньше не видел ни на одной картинке ни в учебнике истории, ни в исторических книжках. Но откуда они, я и теперь не берусь определить, я никакой не историк, слишком мало все же видел этих картинок и никак не могу сказать с уверенностью, чье именно оружие, чьи доспехи. Их столько было, самых разных, по всему свету. Сущее Средневековье, вот и все, что приходило на ум...

Но это была не самая главная диковина. Самая главная — размеры!

Мертвецы были сантиметров пятнадцать ростом, или даже ниже — мертвец всегда кажется длиннее, чем при жизни. Соответственно, и оружие у них крохотное, под стать лилипутикам.

Вот такие дела...

Таким крохотулькам просто неоткуда было взяться — но они лежали в самых неожиданных позах, мертвее мертвого, иные в разрубленных кольчугах, а один и вовсе с жутко разрубленным лицом. Мечом такого не сделаешь, разве что топором. И кровь была самая натуральная, красная, впрочем, как ей сейчас и полагается, уже темно-багровая, подсыхающая...

Не знаю уж, что там творилось в голове у Костыля, но он, не сводя глаз с мертвецов, сломал с куста веточку, медленно присел на корточки и потыкал одного покойника в бок. Выпрямился, отшвырнул веточку, растерянно протянул:

— Настоящий... Твердый...

Я тоже присел на корточки. Очень меня заинтересовал один конкретный покойник. К бабке не ходи, какой-то ихний начальник: только у него одного на кольчуге, на груди протянулась рядочком три больших (ну относительно его размеров) бляхи с изображением какой-то оскаленной зверюги. И меч у него был гораздо роскошнее, чем у всех остальных, — узкое лезвие длиной со спичку покрыто узорами наподобие булатных, рукоять-крестовина золотистого цвета, такое впечатление, то ли позолоченная, то ли вовсе золотая (скорее уж позолоченная, будь она литая из золота, меч оказался бы слишком тяжелым для боевого оружия). Там, где рукоять держат, она была чистой, словно бы рифленой, а все остальное усыпано крохотными разноцветными камешками, красными и синими. В навершии рукояти вовсе уж большой

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

(по сравнению с остальными) зеленый камень, с кедровый орех величиной, не граненый, а словно бы шлифованный, продолговатый.

Очень мне этот меч глянулся, и я взял его двумя пальцами, выпрямившись, тщательно завернул в свой порядком измызганный носовой платок, спрятал в карман. Все это видели, но никто мне ничего не сказал, и лейтенант ни словечком не воспрепятствовал.

Лейтенант и опамятовался первым, словно проснулся или очнулся от забытья. Окинул нас бешеным взглядом и рявкнул шепотом:

— Как стоите, мать вашу?!

Тут и мы малость очухались. В самом деле, хо-роши разведчики на территории, где немцев можно встретить в любой момент: начисто позабыли о бдительности, не обращали ни малейшего внимания на окружающее, оторопело пялились на эту диковину. Один-единственный вражина, прита-ись он за ближайшим деревом, мог бы нас пяте-рых вмиг срезать одной длинной очередью.

Спохватились, ага. Развернулись к лесу, целя в разные стороны из автоматов, что было откровенно глупо, вокруг стояла покойная тишина, на-рушавшаяся лишь беззаботным щебетом лесных птах. Что нам позволяло безошибочно определить: мы в полной безопасности, если птички так зали-ваются, человека поблизости нет. Смущенно пере-глядываясь, опустили оружие, повесили на плечи. Лейтенант как вскипел, так быстренько и отошел. Должен был понимать, что мы ни в чем не виноват-

ты, вся вина лежит исключительно на нем: он тут командир, он и должен был выставить кого-то часовым. Но мы, конечно же, промолчали — командира упрекать не положено, да и уважали мы его...

Злясь не на нас, а словно бы на самого себя, он распорядился уже прежним тоном:

— Продолжать движение прежним порядком!

Ну, мы и двинулись по лесу прежним порядком. А что еще прикажете делать? Мы вышли в разведпоиск неизвестной глубины, у нас было ясное и четкое конкретнее задание. Об оставшейся за спиной диковине мы не говорили, мы вообще ни о чем не говорили — обсуждать было нечего, пока что не попалось ничего, имевшего отношение к заданию, а отвлекаться на посторонние темы не стоило, мы не на скучном долгом марше.

Свою репутацию мы подтвердили часа через полтора. Лес поредел, это было даже не редколесье, а обширные пространства без единого деревца с узенькой медленной речушкой. И там, за речушкой, лихорадочно окапывались немцы — не менее двух рот, вгрызались в землю, как кроты-стахановцы, комья так и летели из-под саперных лопаток. Судя по всему, народ был битый, воевавший, прекрасно понимали, как важно для пехоты быстренько окопаться, и лучше во весь рост, пока поблизости нет противника. Справа и слева, насколько хватало взгляда, происходило то же самое. Сразу видно было, что немцы здесь собираются встать в серьезную оборону: в одном месте стояли три «Пантеры», в другом — громадные шестиколесные

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

грузовики с прицепленными орудиями, подъезжали еще груженные чем-то машины...

Наблюдали мы за ними, укрываясь за деревьями, минут пять, не больше. После чего пустились в обратный путь с чистой совестью и осознанием исполненного долга. За чем нас посылали, то мы и выполнили в точности: установили, где противник и чем он занят, прикинули его примерную численность, количество и виды техники. Смысла не было надолго там задерживаться, тем более брать «языка», все и так ясно. Понадобится «язык», еще раз сходим, дело знакомое...

Обратно шагали уже не так сторожко, знали, что немцев тут нет, хотя, конечно, не расслаблялись полностью. В хорошем темпе отмахали немалый кусок, на привал остановились перекусить и отдохнуть, когда до нашего расположения оставалось километра два. Когда подзаправились и устроили перекур, тут как-то сам собой и встал вопрос о том диковинном зрелище. Правда, мы не обсуждали увиденное и не гадали, что оно такое. Ребята попросили показать меч, и я достал свернутый комом платок. Меч никуда не делся. Двое его осмотрели с любопытством, двое без особого интереса. На повестке дня стоял один-единственный вопрос: как о лилипутских трупах на поляне докладывать начальству и, вообще, стоит ли докладывать?

После короткого, ничуть не шумного обсуждения порешили: докладывать не стоит и рассказывать никому не стоит. Все равно сочтут фантазера-

ми и записными вряями, а такой репутации у нас прежде не было, и мы ее себе зарабатывать никак не желали. Лейтенант сказал толковую вещь: сам по себе меч — никакое не доказательство. Мало ли зачем какой-нибудь ювелир мог сделать этакую крохотную безделушку, и мало ли кто мог ее в лесу потерять. Я и теперь считаю, что он был глубоко прав. Никакое это не доказательство...

На том дело и кончилось. Смело можно сказать, на том и заглохло. Никому больше мы об увиденном не рассказывали, меч не показывали и меж собой больше об этом никогда не говорили. А смысл? Никто не брался гадать, откуда они взялись такие и что с ними было потом, куда подевались. Я так думаю, если они не исчезли так же загадочно, как проявились неведомо откуда, их попросту растащило на пропитание мелкое лесное зверье...

Вообще, к лилипутам у меня до войны был свой интерес. Еще в третьем классе прочитал «Приключения Гулливера» — как я потом впоследствии понял, облегченный, детский вариант (а лет через десять после войны попался и взрослый). А за несколько лет до войны вышел сказочный фильм «Новый Гулливер». Это не экранизация Свифта, там другой, совершенно свой сюжет, но мультипликационные лилипуты там просто роскошные. Пацанами мы на него раза четыре ходили, в разные кинотеатры. Часом, не видели? Ага, согласитесь, интересное кино?

Долго меч, завернутый в нестираный платок, лежал у меня в вещмешке. Одно время подумал до-

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

вольно лениво: вот доживу до конца войны, пойду учиться на научного работника, как собирался после выпускного (только на другой день после выпускного Молотов сказал по радио «Война!», и все мирные планы полетели к черту), а там, чем черт не шутит, попадется какой-нибудь ученый, который мне поверит. Правда, так и не смог сообразить, какой именно ученый мне нужен, какой специальности. Я и сейчас не могу этого сообразить...

А весной сорок пятого я своего вещмешка лишился во время Висло-Одерской операции. На Одере нам пришлось тяжеленько, да... При бомбежке прямым попаданием накрыло полуторку с нашими пожитками (там, на Одере, остались и лейтенант с Костылем).

Так что остался я без меча с рукоятью в самоцветах — уж наверняка это были самоцветы, а не простое стекло. И нисколечко об этой потере не жалел, ни тогда, ни теперь. Лейтенант был совершенно прав, я думаю: сам по себе меч — никакое не доказательство...

АФРИКАНСКИЙ ЗВЕРЬ НОСОРОГ

Наш воинский эшелон с танками на платформах и четырьмя теплушками для личного состава был окружен строгой секретностью.

Собственно говоря, все военные перевозки — дело секретное. Независимо от груза. Даже если эшелон везет исключительно сапоги, саперные лопатки и фляги, чем он загружен, посторонним знать категорически не полагается. Усиленная секретность соблюдается, когда идут чисто военные грузы. А уж когда речь идет о составах вроде нашего, везущих самую новейшую военную технику, причем впервые...

Впервые на фронт перебрасывали тяжелые танки ИС, «Иосиф Сталин». Великолепная была машина, дралась на равных с самыми тяжелыми немецкими «тиграми», а зверье помельче вроде «пантер» вообще давила, будто волкодав кошку. К тому времени заводы произвели их достаточно, и, не разбрасывая подразделениями по разным частям, Верховное главнокомандование создало отдельный полк тяжелых танков, куда я и попал вместе с де-

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

сятком экипажей моего прежнего полка. Разумеется, всех нас добросовестно переучили на новую технику.

Мы, младшие офицеры (да и офицеры постарше званиями), о конкретных планах Верховного командования знали ровненько столько же, сколько об условиях жизни на Марсе (и наличии либо отсутствии таковой — никто тогда представления не имел, как на Марсе обстоят дела). Однако воевали мы не первый год и кое в чем разбирались прекрасно...

Концентрация танков в прифронтовой полосе — вернейший признак грядущего наступления. Ну а когда перебрасывают полк новейших тяжелых танков, каких в Красной Армии прежде не было... Какая там оборона! После Орловско-Курской операции (широко известной как Курская дуга) немцы уже ни разу за всю войну не провели ни одного серьезного наступления. Отходили, конечно, с жестокими боями, кое-где и с контратаками, при малейшей возможности вставали в оборону, но факт остается фактом: наступали только мы, а они отступали. Ясно было даже ежу: наш новорожденный полк пойдет по направлению главного удара в каком-то серьезном наступлении или, как тогда говорили и писали, очередного сталинского удара (после Отечественной ее историю излагали как десять сталинских ударов, справедливо или нет — дело десятое).

Танки, как полагается, были тщательно укрыты брезентом — но на сей раз на каждой платформе

находился не один часовой, а двое, в противоположных концах. Нашему эшелону (и следовавшим за ним другим эшелонам полка) давали «зеленую улицу», так что он шел без остановок. Ну а на случай непредвиденной, не зависящей от железнодорожников остановки меры безопасности были расписаны заранее, одни и те же что для чистого поля, что для станции.

Вот такая непредвиденная остановка и случилась на довольно крупной станции. В чем дело, мы узнали очень быстро: где-то впереди оказались повреждены пути (о причинах нас не поставили в известность, но, судя по некоторым обмолвкам коменданта станции, речь шла о диверсии, возможно, имевшей отношение к нашему конкретно эшелону, но это вряд ли — поврежденными оказались только два рельса, что нас не должно было задержать надолго, торчать тут нам предстояло не больше часа).

Остановили нас не на самой станции, не поблизости от вокзала, а где-то на ее краешке, явно умышленно, чтобы свести до минимума количество нежелательных зрителей. И тут же вступили в действие те самые заранее продуманные меры безопасности — у каждой платформы с обеих сторон выставили по трое часовых. Может, это и был перехлест, но приказы не обсуждаются, а исполняются...

Мы с моим ротным Ромой Клименко (я тогда был командиром взвода) отошли чуть от теплушки, чтобы без лишних ушей кое-что обсудить. На повестке дня стоял один-единственный животрепещущий вопрос... Как показывал жизненный

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

опыт, на такой крупной станции всегда сыщется у вокзала импровизированный базарчик, где гражданские продают-меняют всякую всячину. Торговля, конечно, по военному времени скудная, но уж самогон-то из-под полы всегда найдется — как самый ходкий, что уж там, у военных покупателей товар. Вот мы и планировали небольшую операцию по раздобытию огненной воды. Такие уж у нас были насквозь приземленные планы, далекие от высоких материй. Что поделать, на войне как-то не до высоких материй... Гораздо прозаичнее все обстоит.

Конечно, мы не собирались идти на станцию сами — офицеры мы или уже где? Была у нас в экипажах парочка, обтекаемо говоря, доверенных лиц для деликатных поручений. Ребятки эти раздобыли бы огненную воду и за Полярным кругом у белых медведей, ну а здесь, посреди, можно сказать, цивилизации, справились бы в два счета. Денег у нас не было, ну да на войне деньги не всегда и в ходу. Дать им с собой американской тушенки, пару пачек махорки — и справятся в лучшем виде. Непременно и себя не забудут, это уж к бабке не ходи, но на это следовало закрыть глаза, потому что меру свою ребята знают туго, как и мы...

Тут-то оно все и произошло — правда, слово «произошло» я стал употреблять гораздо позже, тогда и понятия не имел, что оно «произошло», ни сном, ни духом...

— Смотри-ка, — сказал Рома. — А ведь там точно непорядок...

Я присмотрелся. Действительно, с первого взгляда ясно, что за три платформы от нашей теплушки явно имел место беспорядок. Один из трех часовых отошел чуть подальше, заступил дорогу «танкисту» (как звали тогда безногих инвалидов на самодельных тележках), а тот, судя по направлению движения, держал курс со стороны паровоза в нашу сторону.

«Танкистов» тогда было немало, везде могли встретиться. Никак нельзя сказать, что иные из них откровенно побирались, руку, как нищие у церкви, не протягивали и вещи своими именами не называли, но держались так, что сразу становилось ясно, что ему от тебя нужно. Мы, военные, им часто подавали, главным образом продуктами — со всем уважением к отвоевавшемуся. От воинских эшелонов их, в общем, не гнали, но наш-то эшелон был особенный, к которому не полагалось и родную мать допускать. А этот «танкист», издали видно, оказался особенно настырный, махал руками, качал права, слышно было, как бранится с матами-перематами, а часовой, молодец, голоса не повышая, отвечает негромко, но непреклонно. У часового для таких случаев есть волшебное слово «Не положено». Вот только «танкист» волшебных слов слушать не желает, прет буром — прекрасно знает, стервец, что отношение к нему чуточку иное, чем к здоровому, за шкирку не схватишь и коленкой под зад не поддашь, чем и пользуется...

Очень похоже, разговор у них — если только эту откровенную перебранку можно было назвать раз-

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

говором — затягивается. Не поленился же, черт, переться сюда от вокзала, а ведь не ближний свет.

В конце концов Роман досадливо поморщился, сказал решительно, хоть и с явной неохотой:

— Пойдем-ка туда, что ли? Как ближайшие к месту действия офицеры. А то Гриша, чует мое сердце, так и будет пурхаться...

Гриша Ляпин, заступивший дорогу незваному гостю, был молодой, воевал без году неделя — и, как мне показалось, перед «танкистом» чуточку робел, несмотря на свое исключительное положение часового. Иные беззастенчивые «танкисты» такую робость просекали моментально и вовсю ею пользовались. Вот и этот, есть подозрения, из таких...

Еще подходя неторопливо, я этого персонажа рассмотрел хорошо, а учитывая последующие события, в память мне эта личность впечаталась намертво. Классический, можно сказать, «танкист» — самодельная деревянная тележка с четырьмя большими подшипниками вместо колес — где бы он в войну раздобыл настоящую фабричную «инвалидку»? Подшипники приделаны на совесть, торцы осей прикрыты железными дисками, иначе бы моментально свалились. То ли помог кто-то, то ли сам такой мастеровитый. Раскатывает, упирая в землю две корявых деревянных подпорки, грубо вытесанных. Одет в галифе, обрезанные, с зашитыми снизу штанинами и линияющую гимнастерку, там и сям зашитую разными нитками. Физиономия явно славянская, широкая, небритая, определенно пропитая — ну и я, очень может быть, вы-

глядел бы не лучше, если бы вернулся к Насте вот таким, пусть даже она меня и не бросила бы, — а ведь по-всякому случалось. Может, и я вот так запивался бы...

Сколько ему было годочков, определить трудно. Судя по морщинам и залысынам, все полсотни. А учитывая все его невзгоды, безноготь и питье — очень может оказаться, лет на двадцать поменьше...

Вылинявшая его гимнастерка была старого образца, с отложным воротником. Потускневший гвардейский знак, как положено, справа, но привинчен косо. Слева три медали на замызганных, потерявших всякие цвет ленточках — «За отвагу», «За боевые заслуги», «XX лет РККА». Последняя вовсе не означала, что он прослужил двадцать лет — ее в свое время давали отличникам боевой и политической подготовки, тем, кто был у начальства на хорошем счету. У Романа тоже висела такая — он, в отличие от меня, был кадровым, училище закончил в тридцать седьмом и послужить до войны успел. Разве что у Романа медаль висела на ленточке нового образца, а у «танкиста» все три на старых, маленьких, прямоугольных.

Вот такой был персонаж, ничем не отличавшийся от других, которых мне довелось видеть. Вот только глаза у него были примечательные: колючие, пронизательные и словно бы глубокие, ни следа мутной пьяной осоловелости, хотя, конечно же, сразу видно, что пьет как следует и систематически...

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

Никак не походило, что Рома собирается обострять — он спросил достаточно шутливым тоном:

— Что за шум, а драки нет?

Гриша ответил ничуть не шутливо:

— Да вот, товарищ капитан, ни в какую слов не понимает... Толкую ему, что не положено, а он уперся — пропусти его к теплушкам, и точка. Не положено же...

— Видишь, браток, не положено, — сказал Рома, чуть разведя руками. — Часовой — лицо неприкосновенное, понимать должен...

— Сколько я здесь разъезжаю, никогда от воинских эшелонов не гнали... — пробурчал «танкист».

— А от нашего положено гнать, — сказал Рома с величайшим терпением. — Такой уж эшелон. Они, браток, разные бывают, сам должен знать. Глядя по медали, кадровый.

— Был кадровый, а теперь никакой... А вы кто же будете, товарищи военные? Командиры или так, вроде меня, выше комода¹ не взлетевшего? Я при погонах не служил, когда погоны ввели, рассекал уже на этом танке...

Точно, придуривался, обормот. Не мог не слышать, как Гриша только что назвал Рому капитаном. Думаю, Рома подумал то же самое.

Но сказал как ни в чем не бывало:

— Командир роты и командир взвода. Если так уж интересно, капитан и старший лейтенант.

¹ Комод — фамильярное сокращение «комотд» (командир отделения).

— Простите великодушно, товарищи командиры, сразу не признал, — сказал «танкист» без малейшего смущения. — Говорю же, при погонах уже не служивал, — и широко ухмыльнулся. — А затейливо оно получается — у меня батя в гражданскую у Щаденко тучу золотопогонников порубал, а теперь их опять ввели... Товарищу Сталину, конечно, виднее...

И он как-то сразу стал мне неприятен. Потому что, кося под простачка, на самом деле немного над нами издевался. Вообще, поглядывал с некоторым превосходством, а это было неправильно. Одно дело для такого вот — разоряться в тылу перед гражданскими, вопя (как я слышал пару раз от других подобных «танкистов») что-то вроде: «Я за вас кровь проливал! Я за вас ноженьки отдал!» И совсем другое — вытяпываться перед фронтовиками. В конце концов, для него, пусть и оставшегося безногим, война уже кончилась, а для нас ей конца-краю не видно. Свободно можно ожидать, что нам прилетит еще похуже, и не останется от тебя даже паршивенького невысоконького обелиска из неструганных досок с фанерной звездой, часто крашенной даже не суриком за нехваткой такового, а чем-нибудь вроде разведенной марганцовки — то есть до первого дождика. Нет, я и в обращении с гражданскими такого поведения не оправдываю, им тоже приходится несладко, работают на износ, да и что бы делал фронт без тыла? Просто, как бы тебя ни приложило, меру надо знать, я думаю, не считать, будто весь мир тебе обязан...

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

Я покосился на Рому — судя по всему, у него появились примерно те же мысли, резко переменявшие к «танкисту» отношение. А тот как ни в чем не бывало тянул:

— Да что там такого секретного, товарищ командир, в тех теплушках? Покурил бы с людьми, про жизнь и про войну поговорил, смотришь, и погадал...

И замолчал, словно ненароком сболтнул лишнего. Рома встрепенулся и спросил с явной насмешкой:

— Погадал? Что-то не похож ты, браток, на цыганку. Не похож, хоть ты меня зарежь...

— Конечно, я не цыганка, — проворчал «танкист». — Не так выразился, что ли. Не гадание, а что-то вроде. Вот посмотрю так на человека — и точно скажу, что с ним будет. Бабушка у меня умела, научила...

— Ах, вот оно что, — сказал Рома не без насмешки. — И как, верят?

— А чего ж не верить, если все так и получается? Я тут давно прижился, сначала не верили, а потом пришлось. Только оттого, что поверили, получилось еще хуже. Стали побаиваться меня просить. Получается ведь не одно хорошее... Вот и приходится к эшелонам...

— Кого только на войне ни встретишь... — сказал Рома все так же насмешливо. — А мне не погадаешь!? Что там меня ждет и что со мной будет?

— Если хотите, так я могу...

— Вот и давай.

Его взгляд моментально изменился, стал совершенно другим. Не могу и сегодня описать, в чем было дело, не могу подыскать нужных слов... Этаким прицельный прищур, что ли, ничуть не вязавшийся со всем его обликом, словно возник совершенно другой человек. И я откуда-то знал одно: никак не хотелось бы мне, чтобы на меня смотрели так...

И тут же это прошло, он вновь стал прежним. Пробурчал:

— Значит, так, командир. Погубит тебя африканский зверь носорог. Вот так я вижу, а поточнее и не знаю, как сказать...

Рома рассмеялся — на сей раз искренне, без следа насмешки. Я тоже не удержался, фыркнул громко — очень уж нелепо это прозвучало.

— Ну, спасибо, распотешил, — сказал Рома. — В зоопарке, что ли, клетку ломает? Какие на войне зоопарки... Может, меня еще африканский зверь слон затопчет по пьянке?

— Насчет слона на знаю, а насчет носорога точно...

— Значит, постараюсь в Африку не ездить, — сказал Рома. — Помню детский стишок: не ходите, дети, в Африку гулять... Ладно, поговорили. Не вижу смысла и дальше с тобой лясы точить...

Он цепко, многозначительно глянул на меня, и я опять-таки прекрасно понял ход его мыслей.

«Танкист» этот превосходно мог оказаться немецким агентом, наблюдавшим за воинскими железнодорожными перевозками. Со шпиономанией

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

это не имело ничего общего: прекрасно известно, что агентов таких немцы вовсю используют, замаскированных под самых обычных людей так, что с ходу ни за что не разоблачишь. Куда там заслуженному артисту СССР...

Безногих видеть не приходилось, а с безруким сам столкнулся два месяца назад, незадолго перед тем, как нас отправили в тыл на переучивание. Стояли мы тогда в одном городке. Городок был маленький, а вот железнодорожный узел крупный, покрупнее того, на котором мы сейчас находились. Наш экипаж как раз и попал на постой в домик к однорукому. Левую руку потерял на Донском фронте, как он очень быстро рассказал. Симпатичный такой мужик, внушающий расположение — пьющий, но не запойный, руководил маленькой инвалидной артелью, на пиджаке орден Красной Звезды и три медали — и ленточки вовсе не замызганы, как у этого вот «танкиста», аккуратно содержатся.

Три раза мы с ним сживали за выпивкой, мы немного рассказывали о своих фронтовых буднях, он о своих. На этих рассказах он и погорел. Боже упаси, он нам не задавал никаких вопросов, вызвавших бы подозрения. Тут другое. Башнер у меня воевал как раз на Донском фронте и после первых же посиделок за бутылкой отметил некоторые несообразности, мелкие, но целой пригоршней. И во второй раз, и в третий. Выходило, что сам этот однорукий на Донском фронте не был, знания у него были чисто теоретические. Башнер

насторожился, сам стал подкидывать абсолютно невинные на первый взгляд вопросики-ловушки и окончательно уверился, что дело нечисто, в конце концов, не обсуждая это с нами, пошел к особистам. Отец у него долго служил в ОГПУ, а потом и в НКВД, так что задел получился соответствующий. Башнер говорил потом: даже если оказалось бы, что однорукий всего-навсего аферист, выдумавший себе фронтовую биографию и присвоивший чужие награды (а такие штукарки попадались), его все равно следовало взять за кислород, чтобы другим неповадно было.

Оказалось, похуже афериста. Через неделю особисты все точно установили. На фронте он и дня не был, происходил из немцев Поволжья, а руку потерял еще двадцать лет назад в результате несчастного случая. Советскую власть потаенно терпеть не мог — папаша у него, зажиточный немец-колонист, в гражданскую лишился немаленького хозяйства, вот сынка и настропалил. Когда немцы пришли в те места, сам к ним заявился — он, понимаете ли, готов бороться с большевиками как угодно и где угодно.

Ну немцы его и пристроили к делу, историю калеки-фронтовика мастерски слепили, документы смастерили безупречные, дали награды, взятые у наших убитых. Сам он ничего не вынюхивал и не высматривал — у него было целых три агента, работавших на железнодорожной станции, они-то и собирали сведения, а однорукий руководил и работал на рации... Нас к нему потом водили

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

на очные ставки — совсем другой стал человек, вся обаятельность куда-то делась, не лицо у него теперь было, а морда загнанного зверя. На нас всех, к этой истории краешком причастных, она произвела большое впечатление. И до того особысты частенько талдычили о повышенной бдительности, о том, что враг не дремлет, но получалось это у них плакатно, голословно, так что пропускали эту болтовню мимо ушей — работа у них такая, им положено. И совсем другое дело, когда своими глазами видишь натурального немецкого шпиона, замаскированного так, что и не подумаешь. На многое по-другому смотреть начинаешь...

Так что в излишнюю подозрительность впадать не следует, но и в излишнюю доверчивость тоже...

Так что Рома сказал сухо, уже насквозь официальным тоном:

— Ты, браток, должен сам поднимать такие вещи... У часовых приказ четкий: если кто-то будет отираться возле эшелона, брать за шкирку и тащить в особый отдел, невзирая на количество конечностей. Оно тебе надо?

Он говорил чистую правду: именно такой инструктаж мы все и прошли перед тем, как погрузиться в эшелон. Рука не поднималась хватать за шкирку безного калеку-фронтовика, но всё равно, чем черт не шутит, отсутствие ног еще ничего не доказывает...

Танкист зыркнул на него исподлобья. Не мог не понимать своего невеселого положения. Это обычные милиционеры старались к таким вот по пустя-

кам не вязаться, разве что по особой необходимости. А для особистов и безногий оказался бы самым подходящим клиентом: не хватает только ног, все остальное на месте, голова целехонька и работает исправно, язык подвешен, показания подписывать может...

— А я что? Я ничего, — сказал «танкист» уже совершенно другим тоном. — Разрешите идти, товарищ командир?

— Идите, — распорядился Рома командирским тоном.

«Танкист» проворно, быстро развернулся на месте и покатил к станции, сноровисто орудуя своими деревяшками. Глядя ему вслед, Рома фыркнул, покрутил головой:

— Экземплярус... Носорога приплел...

— Вот и не вздумай в Африку ездить, а то нарвешься...

Мы искренне расхохотались — в то время поездка в Африку обоим казалась несбыточной фантазией наподобие межпланетного полета на Марс...

И вернулись к прежней теме. Двух гонцов на станцию мы таки отправили, и они отлично с поручением справились. Но это уже к моему рассказу никакого отношения не имеет. Уточню только, что часа через полтора эшелон тронулся и до места назначения нигде больше не простаивал, так что насчет самогона мы поступили очень предусмотрительно.

Не прошло и месяца, как оно случилось...

Мы развивали наступление. Шли походной колонной, не то чтобы беспечно, но в общем и це-

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

лом безбоязненно — хотя в качестве разведки две машины вперед пустили, метрах в трехстах от колонны. По точным данным авиаразведки, немцы откатились километров на несколько, продолжали отступать, не пытаясь где-то закрепиться, организовать оборону. Так что шли без особой опаски — Рома в головной машине, а я следом, оба высунувшись из башни по пояс.

Ландшафт вокруг был своеобразный: то редкое лесье, то чащоба погуще, и широкий большак, изборужденный колесами и гусеницами — сразу видно, что здесь отступали немцы. Пару раз попадались на «обочинах» брошенные легковушки, но мы не останавливались их осмотреть.

Вот справа, в одной из небольшеньких чашобок, вдруг блеснула вспышка, громыхнул оружейный выстрел, и снаряд вцепился Роминому танку в башню...

Я на пару мгновений ошалел от неожиданности — давненько уж обстановка вокруг была самая что ни на есть мирная и безопасная, — не сразу ссыпался из башни вниз и видел, что случилось...

Угоди фриц противотанковым под башню, ее снесло бы к чертовой матери. Но, как потом выяснилось, стрелял он осколочно-фугасным — что нашлось. Броню не пробил, получилась лишь изрядная вмятина — но вот Рому осколками и взрывной волной буквально разрубило пополам, нижняя половина тела осталась в башне, а верхнюю снесло на землю. Жутковатая была картина, но все же не самое страшное из того, что на войне приходилось видеть...

Секундное оцепенение прошло, и мы, народ опытный, нисколечко не растерялись, действовали быстро и четко, благо знали, что у нас немаленькое численное превосходство. Двумя взводами зашли справа, где было редколесье, проломились через деревья, как кабан сквозь камыши, — и увидели немецкую самоходку. Из тех, что больше всего походили на ящик на гусеницах. Она так и стояла в положении, и из которого стреляла — стволом к большаку, левым бортом к нам. Ну, мы по ней и ударили от всей души и вмиг раздербанили вместе с экипажем.

Она не загорелась, и мы ее осмотрели. Не было никаких головоломок и кроссвордов-ребусов: что-то у них поломалось, и они, не оставив машину, заползли в лес починиться. На разостланном брезенте разные инструменты разложены, по поваленным деревьям видно, каким путем они сюда забирались. Между прочим, правильные были немцы — не бросили машину, не стали утекать с отступающими, надеялись своими силами поправить все и смыться. Ну а завидев нас, не затаились и не сдались, как порядочные, разыграли фанатиков-камикадзе. Как ты к ним ни относишься, крепкие были солдаты...

Где же тут носорог, спросите? А вот он, паскуда...

Это у нас ИС был вторым танком, официально получившим имя собственное. А у немцев много разных марок танков и прочей бронетехники официально именовалось не сочетанием букв и цифр,

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

а названиями всевозможной живности, не обязательно зверей. «тигр» и «пантера» — самые известные примеры. Других названий было немало, почему-то это больше всего касалось как раз самоходок. Хваленый «фердинанд» — и в самом деле очень опасная для наших танков бандура — официально назывался «элефант», то бишь «слон». Были еще «куница», «оса», «шмель». А та самоходка, что угробила Рому, называлась «насхорн» — по-немецки «носорог»...

Такие дела. Совпадение? Кто же знает... Что до безногого танкиста... Сам я ни прежде, ни потом не сталкивался с подобными «гадателями», даже цыганок на меня как-то не выносило. Однако вполне верю: такие люди есть. Не раз о них слышал от людей, не склонных к розыгрышам, травле баек и фантазиям, от людей, которым веришь, в том числе от собственного отца. И еще вот что. Слышал от некоторых, что такие люди видеть-то видят, но не всегда точно и знают, что именно они видят. Оттого предсказания-гадания порой и получаются такие смутные.

И в эту картину, думается мне, полностью укладывается «африканский зверь носорог»...

ОГОНЬКИ НА ПОЛЯНЕ

Я тогда был ординарцем комбата. Вот и пришлось, далеко не в первый раз, доставлять пакет в штаб полка, прямо-таки центр цивилизации по тогдашним тамошним меркам: это наш батальон, как и другие, располагался в «шалашном» городке, быстро построенном саперами из веток, очень даже аккуратно. А штаб полка поместился в немаленькой деревне, которую отступавшие фрицы не успели сжечь. Так что выдался случай посмотреть на женщин — к великому сожалению для меня, тогда молодого, только лишь мимолетно посмотреть. Зато у земляка-писарчука раздобыл бутылочку доброго немецкого вина (а ему отдал свой трофей, маленький маузер). Так что некоторая выгода от очередного хождения за два с половиной километра получилась.

Дорога шла не особенно густым лесом. Собственно говоря, дорога была импровизированная: по местам, свободным от деревьев, прошло немаленькое танковое соединение. Но так было даже лучше: гусеницы оставили столько следов, что заблудиться не мог и такой непривычный к лесу человек, как я. Стояла ранняя осень без дождей, немцев-окруженцев в окрестностях не имелось, так что мое путеше-

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

ствие не таило ровным счетом никаких сложностей или опасностей. Шагай себе и шагай, почти прогулка.

На обочине, точнее на опушке, я увидел местечко, как нельзя более подходившее для моих нехитрых замыслов. Небольшая полянка в лесу с поваленным деревом, причем человека, усевшегося вольготно на это дерево, с дороги заметить трудно, если не приглядываться специально — но кто бы этим занимался? Прямо на обочине не устроишься — всегда мог проехать какой-нибудь особенно ретивый и остроглазый командир, которому не придется по вкусу, что у дороги примостился сержант-пехотинец и нахально распивает неуставное спиртное...

Присел я на это поваленное дерево, высмотрел подходящий сучок и протолкнул им пробку внутрь бутылки. И разделался с вином в два приема — питье было вкусное, но слабоватое для привычного к водочке русского человека. Свернул сигарку и сидел, отдыхая душевно. Хоть и слабый напиток, все же немного забрало.

Почти докурил самокрутку, и тут...

На войне крайне необходимо умение вертеть головой на триста шестьдесят градусов. Ну конечно, образно выражаясь — из всех живых существ на это способны, если я не ошибаюсь, только совы. В общем, очень важно уметь подмечать все происходящее вокруг в непосредственной близости, от этого сплошь и рядом зависит и сама жизнь. Те, кто этого не умеет, очень многим рискуют...

Вот так вот и я, краем глаза, боковым зрением или как там это еще назвать, заметил неподалеку,

в лесу, нечто необычное, можно так сказать, нестандартное, не укладывавшееся в картину обычного окружающего. Все, что не укладывается, может представлять угрозу. А потому я отреагировал моментально, благо пьян был самую чуточку, по русским меркам и не пьян даже, а так, малость завеселевши. Секунда-другая — и я уже лежал за поваленным деревом, изготовив к стрельбе автомат. До рези в глазах всматривался в то, что метрах в пятнадцати от меня происходило.

И очень быстро убрал палец со спускового крючка, а там и поднялся в полный рост, а там и сделал несколько шагов в ту сторону. Уже самую малость смеркалось, но было достаточно светло, чтобы все хорошо рассмотреть и сообразить, что угрозы нет. Диковинное зрелище, странное дальше некуда, но вот угрозы как-то не чувствовалось — а ведь на войне ее частенько хребтом чувствуешь...

Как это выглядело? Метрах в десяти от меня на высоте примерно в половину человеческого роста над травой кружили огоньки. Именно что огоньки, сами по себе, без всяких фонариков. Сначала мелькнула мысль, что это светлячки — я в детстве в лесу возле нашей деревни их навидался. Но эту мысль, пожалуй, следовало решительно отбросить. Во-первых, они были гораздо больше светлячков, во-вторых, были не такие тускловатые (правда, свет был не ослепительный). Этакие светящиеся шарики величиной с лесной орех. Желто-зеленые. Сейчас, окончив после войны институт и всю жизнь проработав инженером на заводе, я скажу:

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

они были чистейших спектральных цветов. В точности как радуга — вот самое удачное сравнение.

Образовав то ли шесть, то ли больше концентрических колец (не до того было, чтобы их точно сосчитать), они кружили вокруг самого обыкновенного невысокого куста — неспешно, плавно, можно сказать, неторопливо. В расположении двух цветов не было никакой регулярности: несколько зеленых, потом один желтый, и наоборот. Видели мы однажды с мальчишками после грозы шаровую молнию, но тут ничего похожего: шаровая молния гораздо больше, с яблоко или клубок для вязания. Да и шаровые молнии никогда не летают стаями, всегда поодиночке. А шариков было, навскидку, штук с полсотни, а то и побольше. Ровные такие круги, будто огромным циркулем очерченные. И кружение это происходило совершенно беззвучно, а та шаровая молния шипела и потрескивала наподобие электрических разрядов или масла на раскаленной сковородке...

Первое, что пришло в голову, — новое секретное оружие немцев. Родилась эта мысль не на пустом месте. Как я выражусь теперь, с высоты прожитых лет — у войны своя мифология и свой фольклор. Всю войну довольно часто, расходясь широко, кружили самые разные слухи, байки и побасенки о секретном оружии немцев. Все они оказались чистым вымыслом, но когда-то имели большое распространение.

Очень быстро я от таких догадок отказался. Во-первых, это нисколько не походило на оружие, вид был такой... мирный. Во-вторых, кто бы стал пу-

скать в ход секретное оружие в глухомани, где, кроме меня, не было ни единого солдата? Вздор какой...

Самое большое внешнее кольцо вдруг распалось, словно кто-то его разорвал, желтые и зеленые огоньки, сбившись в табунок, полетели ко мне. Я остался стоять — бежать было бы глупо, они двигались со скоростью бегущего человека, наверняка догнали бы. Так что оставалось только надеяться, что вреда от них не будет. А стрелять по ним, я отчего-то уверен, было делом безнадежным, еще и оттого, что их было больше, чем патронов у меня в диске. Да и пули могут на них не подействовать...

Словом, я остался на месте. Они подлетели, принялись неспешно кружить вокруг меня — без всякого порядка и симметрии, совсем не так, как те, что остались вокруг куста. Несколько опустились на ствол опущенного дулом к земле автомата — и никаких электрических разрядов не произошло. Несколько прилипли к голенищам сапог, к галифе, к гимнастерке, два угнездились на тыльной стороне ладони правой руки. Такое впечатление, что от них исходило легонькое тепло, а может, мне так показалось.

Не знаю, сколько это продолжалось. Примерно половина так и кружила вокруг меня. Почему-то мне подумалось — да и теперь так думается, — что в их поведении было нечто осмысленное, разумное. Нечто похожее, я бы сказал, на любопытство. Неодушевленные предметы на такое никак не способны. Как-то очень уж целеустремленно они двигались, а это опять-таки признак одушевленности.

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

Страх не было ни малейшего — но не мог же я так вот торчать до скончания века? Интересно, конечно, но у меня оставались свои дела и свои заботы, я был посреди войны...

Так что я стал помаленьку отступать — бочком-бочком, кося на них глазом. Они так и остались на том же месте, слетели и с меня, и с автомата, повисели над травой, а потом всем табунком улетели к тем, что кружили вокруг куста. Что было дальше, я не видел — отошел достаточно далеко и быстрым шагом направился в расположение части.

Никаких таких особых переживаний и волнений по поводу случившегося не было. И голову я над увиденным не ломал, хватало насущных забот, которых на войне предостаточно. И никому, конечно, ни о чем не рассказал — не поверили бы, стали бы вышучивать. Очень уж эти огоньки были необычными, ни на что не похожими. В такое поверить может только тот, я думаю, кто видел всё собственными глазами.

Я и потом над этим голову не ломал — какой смысл, если абсолютно не на что в размышлениях опереться? Ни раньше, ни потом я ничего похожего не видел, не слышал и ни о чем подобном не читал. Абсолютно никакой пищи для ума, не на чем строить догадки. Одно ясно: на шаровую молнию эти загадочные огоньки нисколько не походили.

От одной мысли не в состоянии отделаться: они выглядели именно что одушевленными и разумными...

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

Один-единственный раз в жизни сталкивался с необъяснимым — и слава богу. Собственно говоря, дважды, но вторая история неразрывно повязана с первой, разве что отстоит от нее на пятнадцать лет...

Дело было в начале лета сорок четвертого. Нашу дивизию отвели в тыл принять пополнения и пополнить матчасть до штатной. В последних боях понесли потери, которые тогда обтекаемо именовали в сводках Совинформбюро «значительными», а откровенно говоря — живых осталось гораздо меньше, чем павших. Обычно такие не особенно спешные пополнения — верный признак того, что готовится крупное наступление. Так потом и оказалось, но это уже не имеет отношения к тому, что произошло...

Если докопаться до корней, получится, что в основе лежит как раз тыловое безделье. На передовой просто не было бы возможности у действующих лиц, назовем их так, отвлекаться на такие вещи.

Как выглядел отвод на реформирование и пополнение? Больше всего хлопот выпало на головы офицеров стрелковых полков. Вот уж у кого извест-

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

ная часть организма была в мыле... Пополнение большей частью состояло из зеленых новобранцев, как из тех мест, куда немец не добрался, так и с освобожденных, временно оккупированных территорий. Нужно было в краткие сроки их кое-как обучить обращению с оружием и азам службы — уставы, хождение строем и прочее. К тому же немало оказалось среднеазиатов и кавказцев — иные ни словечка по-русски не знали, что прибавляло хлопот. В том числе замполитам, комиссарам и комсоргам — у них был свой фронт работ, учитывая сущий винегрет, какой являли собой новобранцы.

В лучшем (чутьочку) положении были артиллеристы, минометчики и пулеметчики. Им требовалось гораздо меньше людей, чем пехоте, да и старались они подыскивать таких, что уже умели обращаться с техникой, хотя бы курсы прошли. Другое дело, что поступали новейшие образцы пушек и пулеметов, которые и опытным приходилось осваивать с нуля.

На саперов и связистов легла нагрузка полегче — но и они не лежали кверху брюхом на солнышке, учили пополнение, занимались учениями сами по принципу: «солдат в спокойное время бездельничать не должен». Одни повара никаких перемен не заметили — как кашеварили, так и в тылу кашеварили, разве что приходилось ждать бомбежек и артолетов.

Лучше всего в этой ситуации было медикам. Автосанитарная рота была по уши в работе — принимали и обихаживали новый автотранспорт. А вот

медсанбат оказался совершенно не у дел: ну откуда в тылу раненые? Только выздоравливающие — легкие, которых не увозили в тыл, а оставляли долеживаться в расположении дивизии. Никаких ученых хирургов и прочим врачам, равно как другому медперсоналу, по чисто техническим причинам не устроишь. Поступлением медикаментов и медицинского инструмента занимались снабженцы.

Мы, разведка (которой я тогда командовал в звании старшего лейтенанта), как обычно, что на передовой, что в тылу, занимали положение несколько специфическое. У меня оставалось восемь человек, и поступило шестеро новеньких. Все до единого, понятно, были не новобранцы (лопоухим новобранцам в разведке делать нечего), а взятые с передка, обстрелянные, хваткие, зачастую с орденами и медалями. Конечно, их учили необходимым на новой службе премудростям, но и «старичков» тренировали по полной: преодоление полосы препятствий, стрельбище, рукопашный бой, использование всяких подручных предметов, какие только могут попасться под руку во вражеских окопах, немецкий язык... Словом, у нас тоже кверху пузом не лежали.

И всё же... Есть существенная разница меж простым пехотинцем и разведчиком. Пехотинец намертво прикреплен к расположению своего взвода, роты, батальона. Разведчик пользуется свободой передвижения, способной пехотинца вогнать в лютую зависть; есть у разведчика и некоторые другие привилегии. И это, как хотите, справедли-

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

во. Я и тогда так думал, и сейчас думаю. Пехотинец, кто бы спорил, открыт всем смертям. Но он среди своих, среди товарищей, он всегда частичка могучей силы, громадного механизма, его поддерживают пушки и прочая артиллерия, пулеметы, танки, боевая авиация (пусть не всегда). Пехотинец не одинок. А вот разведчик действует в немецком тылу, где может полагаться исключительно на себя и немногих друзей, и смерть его там подстерегает гораздо чаще...

И еще один очень важный момент. Разведчик в ситуации вроде нашей лишен дела. Крайне напоминает хорошую охотничью собаку, которую посадили на цепь в конуре — меж тем она совершенно точно знает, что ее товарки сейчас гоняют зайцев, вынюхивают уток, а то и на волков с медведями ходят. Какие бы то ни были тренировки до седьмого пота, подсознательно себя чувствуешь ненужным и бесполезным, а это не на шутку угнетает. Отсюда и проистекают разнообразные нарушения, порой серьезные.

У меня, слава те господи, такого не случалось — ну бывало кое-что мелкое, на которое хороший командир, что уж там, сплошь и рядом закрывает глаза. Сложность, как потом обнаружилось, была в другом: произошло пересечение моих орлов с дислоцированным совсем неподалеку медсанбатом. Думаю, нет нужды вдаваться в детали, все и так понятно, верно?

И все бы ничего, дело на войне очень даже житейское, что уж там. Но возникла тягостная за-